

Максимов: Я встречался с Раушенбахом всего один раз. Мы очень давно хотели с ним поговорить. Приехали к нему на дачу, поговорили, сфотографировались на память и разъехались. Больше никаких встреч не было. В сущности, все, что было, видно на экране. Поэтому я не знаю, что еще к этому добавить.

Бернгардт: А почему Вы вообще решили делать передачу с Раушенбахом? Чья это была инициатива?

Максимов: Инициатива шеф-редактора программы Ларисы Усовой, моей жены. Когда я начал делать "Ночной полет", то прикидывал, с какими примерно людьми хотел бы пообщаться. Я понимал, что должны быть политики, "звезды", люди, связанные с какими-то текущими событиями. И обязательно должны быть люди, которым, образно говоря, можно задать вопрос о смысле жизни. Вот они и закончились первыми. А у меня начинался отпуск, и чтобы передача не погибла, на три недели мы решили сделать несколько записей, хотя обычно передача идет в прямом эфире. И я подумал, что, поскольку возникла проблема с такими людьми, с которыми можно говорить о возвышенных вещах, то хорошо бы сделать четыре передачи подряд о смысле жизни, о сути бытия. Мы хотели найти четырех таких мудрецов, и один из них был Раушенбах. Это была идея моей жены, которая сказала, что он просто потрясающий персонаж. Я знал, что есть такой ученый, знал, чем он занимался. Мне было очень интересно, что он, с одной стороны, занимается иконами, а с другой стороны - космосом. Но мои знания о нем были абсолютно поверхностны, как это чаще всего и бывает. И встреча с ним стала для меня серьезным человеческим открытием. Я не знал, что он настолько замечательный человек.

Бернгардт: В конце интервью Вы сказали, что надеетесь на повторную встречу, когда он окрепнет. Почему не получилось ее сделать? Или Вы всегда так говорите?

Максимов: Я так говорю далеко не всегда. И случаи, когда мы хотели бы еще раз поговорить с человеком и не поговорили, достаточно редки. Когда мы показали этот эфир, были отклики, и мы договорились, что надо обязательно еще раз встретиться с Раушенбахом. Но сначала он не мог, потом уехал в Германию лечиться, потом...

Бернгардт: Вы сказали - были отклики?

Максимов: Должен признать, что не на все программы "Ночного полета" есть какие-либо отклики. Проходят некоторые передачи - и ничего не происходит. Откликами я не называю рецензии, хотя это тоже важно. Отклики - это когда к тебе подходят люди и спрашивают. Эфир с Раушенбахом вспоминают до сих пор. Мы повторили передачу, когда он умер, и откликов было еще больше. Как это ни страшно говорить, но когда есть событие, дающее повод для разговора с человеком, то оно привлекает внимание. Даже такое ужасное. По-моему мы были единственной передачей, которая повторила в эти дни эфир с Раушенбахом. Зрителей, если все резюмировать, больше всего потрясает, что есть такие умные люди. И второе потрясение, по поводу которого даже студенты меня спрашивали, что я об этом думаю, - это когда я спросил Раушенбаха, за что его посадили. Он сказал: "За дело, потому что я немец". Я говорю: "Но вы же не виноваты". Он: "Ну как же? Я ведь немец! Правильно посадили". Вот это, конечно, потрясло и меня, и людей. Студентов, которым я читал лекции, тоже потрясло - этот человек, которого посадили несправедливо, был до такой степени дитем своего времени, что понимал: по-другому было невозможно. И в этом, может быть (хотя мы не разговаривали с ним о вере), есть какая-то христианская покорность, вызывающая у меня, во всяком случае, уважение.

Бернгардт: Скажите, а знали ли Вы что-нибудь о проблеме российских немцев до передачи и дала ли Вам передача какую-то новую информацию об этом?

Максимов: Эта передача проблем российских немцев не затрагивала. Раушенбах сказал одну фразу - и всё. Меня он заинтересовал, во-первых, как один из крупнейших российских ученых, который занимался проблемами космоса и был знаком с Гагариным, во-вторых, как человек, который был ученым и, с другой стороны, философом, занимался иконами, то есть как человек, который познавал небо как ученый, изучающий космос, и как ученый,

изучающий Бога. А социальные проблемы мы не рассматривали. Проблема российских немцев - это социальная проблема, она важная, но мы ее не обсуждали.

Бернгардт: Хотел спросить о том, что Вас особенно впечатлило в Раушенбахе, но Вы уже об этом сказали. Это все, что у Вас осталось в памяти?

Максимов: Нет. Если говорить о том, что впечатлило, то все-таки была достаточно большая часть, которая осталась за кадром, как это всегда бывает. Мы приехали на дачу, а это момент очень сложный. Когда гость приходит к тебе на передачу, то ты ему диктуешь условия, они уже сформировались за почти 800 эфиров. А когда приходишь к человеку на дом, надо выбрать место съемки, поставить свет, звук. Иногда бывают случаи: приезжаешь к каким-то людям на дачу и чувствуешь, как ужасно ты их раздражаешь. Это же не просто я приехал, а большая съемочная группа: оператор, свет, звук... В свое время меня потряс Дмитрий Сергеевич Лихачев. У него была очень маленькая квартира в обычном доме, и мы устанавливали свет, наверное, часа полтора. Ничего невозможно было сделать, все время получалось так, что были видны то штативы, то еще что-то. И за это время он не сказал ни слова возражения. Более того, показывал книжки, мы с ним разговаривали.

То же самое было у Раушенбаха. Помню, там возник вопрос: снимать в помещении или на веранде? И ответ Раушенбаха был такой: "Если на веранде, я возьму плед". То есть: хотите - тут, хотите - там, как вам угодно. На даче было много разных людей, женщин - дочь, еще кто-то. Но абсолютно не было ощущения, что мы кому-то мешали. Хотя, конечно, мешали. Когда мы сидели и разговаривали о возвышенном, вдруг на заднем плане прошла какая-то женщина с авоськой. Это было так классно!

Помню, для меня казалось очень странным, может быть, даже трагическим, несоответствие между абсолютно ясной головой - и не просто ясной; каждому это не может быть дано, но хоть, дай Бог, приблизиться к этому - и тем, что человек был явно болен, плохо ходил, был немощен.

С ним начали все фотографироваться - я, оператор... Ни одного отказа: "Пожалуйста, пожалуйста". И еще я запомнил, что он пошел нас провожать, хотя ему было тяжело ходить. Вообще для меня это такая печаль - уход таких людей. Дело даже не в том, что уходят умные люди: они, я думаю, одни уходят, другие приходят. Но некая природная интеллигентность - например, проводить до дверей, как это делал Лихачев, как делал Раушенбах, как сделал, скажем, дай Бог ему здоровья, Борис Васильев, - вот это уходит. Раушенбах был чрезвычайно интеллигентным человеком, и таких людей становится все меньше. В это же время мы делали интервью с Игорем Зиновьевым, театральным художником, которому было 104 года, и этот человек сказал потрясающую фразу, может быть одну из самых невероятных, которую я в своей жизни слышал. Она не была в эфире, а звучала так: "Когда к нам в гости пришли Лев Николаевич и Софья Андреевна..." То есть он помнит Льва Николаевича Толстого... Было лето, когда мы снимали, а он был в тройке, в галстук. Не потому, что хотел лучше выглядеть, а потому, что людей надо принимать вот так! И это уходит - интеллигентность, которую могут воспитать только родители. Либо это есть, либо этого нет. Либо женщину пропускают вперед, либо не пропускают. Можно пятьдесят раз человеку сказать, что надо пропускать женщину, но если его этому не научили до 10 лет, то уже ни школа, ни общество не помогут. Вот мне и кажется, что самое трагическое в уходе таких людей, как Раушенбах, состоит в том, что уходит интеллигентность. Она просто уходит навсегда. И надежда - только на детей "новых русских" и особенно на их внуков, которые будут учиться в цивилизованных странах. Может быть, их там научат "пропускать женщин".

Общение с такими людьми, которых становится все меньше и меньше, навеивает грустное ощущение, что это - "уходящая натура". Именно в смысле интеллигентности и отношения к людям. Они уходят, и кажется, что никакой замены нет.

Когда снимается любая передача, очень важна реакция операторов, звукорежиссеров и так далее. Я - в кадре и все равно буду сидеть с заинтересованным лицом, что бы человек ни

говорил. А им - либо интересно, либо нет. Снимал эту беседу Андрей Лебедевский, один из лучших операторов ATV. Вся обратную дорогу он, очень молодой человек (сейчас ему 28 лет), говорил мне: "Какой замечательный мужик!" Он вообще, оказывается, не знал, кто такой Раушенбах, и для него это было просто потрясением - встреча с таким мощным человеком.

Бернгардт: Иногда складывалось впечатление, что Вы не знали каких-то моментов из жизни Раушенбаха, например, о том, что он вместе с Феоктистовым инструктировал Гагарина перед полетом. Или Вы просто провоцировали его на рассказ?

Максимов: Нет, что значит - провоцировал? Я готовлю передачу и, конечно, что-то знаю, но зритель-то не знает. Помню, Раушенбах рассказал поразившую меня и других, бывших там людей, вещь: Королев построил тренировки Гагарина так, чтобы Юрий Алексеевич был постоянно занят и у него не оставалось времени подумать о том, что ему предстоит. Был создан такой поток событий, когда человек не успевает подумать. Потому что, если бы он думал, то мог свихнуться. Конечно же, это интересно! Есть, скажем, сто задач, которые выполняет (или не выполняет) телевидение, одна из них - фиксировать историю. А людей, которые помнят полет Гагарина, и не просто помнят, а участвовали в его подготовке, становится все меньше. Тем более, когда этот человек - философ. Раушенбах - он же, я в этом убежден, помимо его научных изысканий, философ. Кстати, разговаривая с Раушенбахом, я впервые осознал, как ужасно страшно было лететь в космос первый раз. Это сейчас все ясно, а тогда вообще ничего не было ясно. В то время говорили: "А может, он там Бога встретит?" Тогда я еще не знал фразу, которую сказал про себя Гагарин: "Неизвестно, то ли я первый человек в космосе, то ли последняя собака". Что значит - последняя собака? Это когда тебя засовывают в ракету и запускают в никуда. А что там будет? Ведь собаки Белка и Стрелка этого не передавали. Я про все это, естественно, не думал в суетливой нашей жизни, но когда стал говорить с Раушенбахом, то понял, какой это был действительно невероятный подвиг. Сейчас скажут: "Подумаешь, запустили! Что он там делал - летал полтора часа?" Но какой это был ужас в то время - запустить человека! До беседы с Раушенбахом я об этом даже не подозревал.

Бернгардт: Скажите, а давно Вы видели запись этой беседы?

Максимов: Я вообще свои интервью не смотрю никогда.

Бернгардт: Но ведь Вы помните практически все интервью.

Максимов: Действительно, есть такие беседы, которые я забываю назавтра или даже "на сегодня". Выхожу из студии и уже не помню, что мне там говорили, - все зависит от человека. Кстати, Раушенбах мне рассказывал, как сфотографировали душу. Это же трудно забыть! Люди, умеющие мыслить, говорят вещи, которые другим людям в голову не приходят. Именно в силу этого они и запоминаются. Поэтому разговоры с Раушенбахом, или с Борисом Васильевым, или с Гачевым (можно привести довольно большой список) - они остаются в памяти. Это люди, которые говорят то, что другие не говорят. Скажем, у меня был какой-нибудь политик, а я не помню, о чем мы говорили. Профессия политика - говорить вещи, которые у всех и так в головах. Поэтому Раушенбаха я помню, а политика чаще всего, - нет.

Бернгардт: То, что мы увидели на экране, - это все, что было записано, или что-то было вырезано? Ведь все-таки это была запись.

Максимов: Нет. Только в случае иностранного гостя мы монтируем текст переводчика. Принцип "Ночного полета" - я всем гостям об этом говорю - мы записываем ровно столько, сколько идет передача. И отличие записи от прямого эфира только в том, что в прямом эфире есть звонки, а на записи - нет. Никогда ничего не монтируется - что человек сказал, то сказал. Даже когда были случаи, что люди меня просили убрать что-то после эфира. Например, Сергей Владимирович Михалков. Мы обсуждали историю с Пастернаком, и он высказал свою позицию, рассказал, почему это так было. Высказал достойно, так, как он это видит. Но после передачи он сказал: "Мне кажется, что про Пастернака было не очень

интересно". Все равно: мы просто уже не имеем возможности что-то убрать, при всем своем желании, потому что пишем ровно столько, сколько идет передача, - полчаса. То, чего Вы не видели в кадре, - это только лишь подготовка, прощание... Чаем нас там поили. Тоже очень важный для меня момент: мама мне говорит, что когда к тебе приходят гости, надо первым делом предложить им поесть, прежде чем о чем-то говорить. Независимо от того, врач придет, участковый (это бывало в то время) или товарищ. Но когда мы приезжаем работать (мы же по сути в гости приходим), то нам почти никогда не предлагают чаю. А вот у Раушенбаха: мы вошли - ведущий, два оператора, режиссер, звукорежиссер, ответственный за свет, водитель - семь человек, и первым делом он предложил нам чаю. Ребята, операторы отказались, а мы с ним пили чай. Это, конечно, мелочи - можно быть великим ученым и не предложить чаю. Но, мне кажется, быть хорошим человеком и не предложить чаю нельзя. Такое у меня ощущение.

Бернгардт: А Вы смотрели еще какие-то фильмы о Раушенбахе?

Максимов: Нет, я вообще смотрю телевизор очень мало - только новости и футбол в основном. Не хватает времени. Я еще раз хочу сказать, что помню Раушенбаха, но у меня с этим человеком ни до, ни после эфира никаких историй, дружб - ничего не было. Есть ушедшие люди, с которыми меня что-то связывало: Григорий Горин - он был моим учителем, Алла Балтер, Женя Дворжецкий - он мой товарищ. А тут никаких пересечений не было. Приехали - записали - уехали - показали. Потом, когда его не стало, показали еще раз. Кстати, мы не всегда, когда умирает человек, повторяем беседу с ним. Даже если это замечательный эфир, он иногда устаревает. Иногда человек замечательный, а я, скажем, плохо вел беседу, и она получилась плохой. Когда умер Раушенбах, я связался с нашим продюсером Анатолием Григорьевичем Малкиным. У нас уже был гость, но вопроса не было, что, конечно, его надо перенести. Я не очень верю в рейтинги, но, тем не менее, и первая, и повторная беседы с Раушенбахом имели большой резонанс. Повторная - в особенности.